

Е. Ж. Е. М. Б. С. Я. Ч. Н. Ы. Й
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ
и
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1914

С.-ПБ.

Клинический просп., 18, уголъ Серпуховской
Тел. 617 ~ 61.

Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ около шести лѣтъ проживалъ въ Ялтѣ. Съ глубокою участіемъ отнесся онъ къ положенію призываемаго туберкулезныхъ больныхъ. Много времени и теплыхъ заботъ отдавалъ онъ этому важному вопросу. Имъ получалось огромное количество писемъ отъ иногороднихъ больныхъ, со всевозможными запросами и справами объ условіяхъ жизни въ Ялтѣ и окрестностяхъ, какъ прожить дешевле, какія цены на продукты и т. д.

Количество писемъ все увеличивалось. Антонъ Павловичъ эту переписку частью передавалъ мнѣ. Онъ помогалъ призываемымъ больнымъ въ арендѣ квартиръ, въ случаѣ къ кому обратиться на медицинской помощи.

По телефону онъ просилъ докторовъ Альтшуллера, Елизаренко, Воронцова и другихъ принимать этихъ больныхъ. Часто Чеховъ просилъ своихъ знакомыхъ павшихъ особенно скучавшихъ или слабыхъ. Посылалъ и заказывалъ „лежачимъ“ газеты и журналы. Больные денежныя суммы собирали и вносили въ кассу Попечительства о призваніяхъ больныхъ.

Въ Ялту меня на набережной почти ежедневно, Чеховъ всегда справлялся о здоровьи больныхъ, которыхъ я навѣщалъ.

— Какъ студентъ Юргановъ? Скажите ему, что онъ поправится, непременно. Пусть приходитъ ко мнѣ, сидитъ въ саду. Онъ можетъ немного работать тамъ. А какъ псаломщикъ, все то же? Надо ему втолковать, что первое время не въ призыве скучаютъ въ Ялтѣ, а неслѣдуетъ принимать. Пусть больше гуляетъ на воздухѣ, на солнцѣ.

Антонъ Павловичъ умѣлъ чрезвычайно

ободрить больного. Собирая деньги въ кассу попечительства, онъ привлекалъ къ этому и другихъ, такъ, между прочимъ, онъ спросилъ меня:

— С. П., что это Е. не показывается? Онъ это время не дѣятельный, ничего не собираетъ. Хотя бы одно письмо написалъ комунибудь изъ своихъ знакомыхъ, о денежной помощи больнымъ.

— У него практика, забываю я.

— Какая у него практика? Практика у Василия Андреевича Воронцова, у Альтшуллера.

Однажды, проходя по набережной, я увидѣлъ Чехова, сидѣвшаго на скамьѣ у книжного магазина Сизани. Онъ обратился ко мнѣ:

— „Сегодня я былъ у Орлова (казначей Благотворительнаго Общества), у меня блеснула мысль, только держите ее въ секретѣ. Видите, я думаю такъ: наибольшіе дерутся, меньшіе догадываются. Наше Благотв. Общество контролируетъ съ Б., а большіе отъ этого страдаютъ. Такъ вотъ мнѣ пришла мысль: удѣлить части средствъ Бл. Общества на санаторію Б. и помѣщать туда десять человѣкъ больныхъ. Съ ней можно поговорить, съ ней можно похлопать. Я бы похлопалъ тогда къ В. К. Милуцкѣ Николаевнѣ просить ея содѣлать, тѣмъ болѣе что о ней говорить, что она прекрасная, чрезвычайно добрая женщина. Сказалъ это Н. Н., онъ этого и слышать не хочетъ. У нихъ свои причины для этого... А больной страдаетъ... А больной капризится... тихо прибавилъ Антонъ Павловичъ. Онъ былъ вполноzanъ.

„Первое, большаго интереса больного, Е. говорилъ, что нанять какой то домъ для боль-

ных. Я, сказавше оиѣ, пайду особу, которую надо посадить туда. А я ему говорю: «С. П. не пойдете туда — а больше никого не найдете... С. П., видяли вы фельдшершу Федорову, какъ она, въ какомъ состояніи?»

— „Ничего, лучше“ отвечаю Чехову.

— „Это какія письма у Васъ?“—Одно отъ Мошенискаго, что писать вамъ о Раднѣ, другое отъ Юргановыхъ мѣ, прочтите.

— „Напишите Мошинскому, чтобы не возил сюда больного, если пять надежды на выздоровление. Ему перепадъ будетъ мучительно... Лучше говорить ему, что онъ поправится немного, тогда пойдетъ на югъ. Заѣмъ напрасия страдания... Перепадъ страшно подбиваетъ силы больных... Вечеловѣчно со стороны врачей посылать въ такомъ безнадѣжномъ положеніи больного умирать, хотя бы и на югъ. Это безчеловѣчно... Дайте второе письмо. Ну, вотъ видите, вамъ пишутъ отецъ и мать. Это награда. Это второе диплома, о которомъ вы такъ сокрушаетесь“, улыбнулся А. П.

— Это письмо слѣдовало адресовать Вамъ.
Я исполнитель вашихъ порученій, замѣ-
тила я.

Чехов бывал ежедневно на почте и в магазине у Сивани, приходил в город всегда пешком, часу в 10-м. Как-то он вошел в магазин и, увидя меня, поспешно сказал:

— «Я насть всюду иду. Сейчас, по телефону, скажите Сергею Ивановичу, (Елизарьевскому) чтобы он поехал к Радичу. Я занесла ему новую книгу журнала. Он плох... Кажется, он умирает... Скажите мне, что скажете С. Я.». Я пошла телефонировать Е. Возвратившись, передала А. П.; Е. не может пойти к больному. Я вызвала доктора Каншера к Радичу, сейчас он зайдет к нему, а Елизарьевской и потом сюда. Мы с Пашей идем сейчас к Радичу. Не довести ли вас к телефону?»

— 7 —

— „Довідавшись, що буду у Сивасі". Всею до-
рогою до Ізміра навідався о прізнаках боль-
них до смерті, а також по поводу того, що
Радина привезла почти умирающего, а вт-
силу цього дісталося ужасних мученія.

Во время пребывания М. Худож. Театра в Ялте, Антон Павлович просил дирекцию дать на сбор одного из спектаклей Поездка в театр и пригласить больных. Это просило было исполнено. А. П. получил 302 рубля. Он просил меня передать эти деньги Казачему Вых. Обществу Онулов.

Однажды, уходя с работы на набережной ст. А. И. Виноградова (артистом Худож. Театра) я предложил ему консультацию на эти деньги. — Виноградов мне доволен, что мало денег? — Что? — Виноградов ответил п. Виноградов.

скій обращается къ Антону Павловичу: „А София Павловна сегодня насъ благодаритъ, Константина Сергеевича и меня“. — И еще благодарю васъ, говорю я, за эти деньги десятъ челоѣтъ мѣсяцъ проживуть.

— «Они, „художники“, общаются да еще и вынуждены в Москву», замечает А. П.—Да, непременно дадим еще вечер, подтверждайте Вишневский. «В историческом Музее?» спросил Чехов. Да, там. «Они будут давать такие вечера для нас ежегодно», замечает мнѣ А. П. Да, ежегодно, утвердительно тономъ говоритъ Вишневский. «Сколько я денегъ перекошилъ въ этомъ году казначею В. Общества. Буду носить пока вы не разсердитесь на меня», обращаясь ко мнѣ говоритъ Антонъ Павловичъ.—Я разсержусь?—«Ну, не Вы, а ваше Общество», замечаетъ онъ.

Тихоня по такой просьбе послать в сестру денег из почтовых Переваляевых наших, было бы и так. Обещание не отдалось за чаем, а потому, как да, а потому, что продала в карбонет. Из одной из почтовых коммун подошла дама, К., и просила ее познакомиться с Чеховым. "Дайте его рубль, познакомлю", говорю ей. "Все, что есть в карбонет отдам", воскликнула К. "Я спрошу Чехова". Иду на разрываемый. Поменялся А. П. с разрываемым. Неопечетливости от г-жи К. получило 65 рублей. Из ряда фактов сердечного отношения к больным характерно его отношение к больному Енифянову, маленькому журнальному работнику, кажется работавшему в "Русском". Чувствуя себя дурно, А. П. однажды зимой поручил мне навестить этого больного в Приют Хропических Вольных. Бл. Общества. В крайне плохом состоянии нашла я больного. В мрачной, казарменной палате, на соломенном тонком тюфяке, лежал невообразимо худой, в грязной фуфайке, человек, без голоса, почти умирающий... Наклонясь к нему и спросив от имени Антона Павловича об его здоровье. "А. П. мой ангел... Я ему так благодарен... и только благодаря ему я жив... и теперь он платит за меня... не забывай меня... газету мне присылают... молюсь за него... Страшный кашель прерывает Енифянова, надрывная проваливающая грудь. "Мне бы доктор... по горловоым болям... говорю, Богданович очень хороший доктор... попросите Антона Павловича послать его... Не могу глотать... мне больно..." Его лицо искажено судорогой плачущего человека. Он поднимает свои носильные полукиевские рубашки черными ногтями, и плачет, чтобы вытереть слезы. Было ужасно.

Придя къ А. П. я все разсказала ему. Онъ былъ сильно изволнованъ. Зѣлъ часто

такъ умирають одинокіе приваіе больные». Чеховъ быстро ходилъ по кабинету, спяско сжимая свои руки. «Ахъ! Какъ здѣсь необходимо санаторіи! Надо вырвать этихъ несчастныхъ изъ рукъ этихъ людей, которые думаютъ только о своихъ собственныхъ дахахъ... Положеніе больныхъ ужасно... Надо создать что-нибудь такое, что передъ смертью ихъ радовало бы. Что-нибудь очень хорошее... свѣтлое, веселое. Чтобы былъ ласковый, добрый уходъ, не профессиональный... Плакать не надо, надо привыкать. Пушки силы. Много силъ, обратился ко мнѣ А. П. Ужасна участь этихъ больныхъ здѣсь, весьма часто заброшенныхъ въ одинокихъ... Давайте что-нибудь устроить. Только надо дѣлать все самимъ. Деньги дадутъ. Но надо вырвать больныхъ изъ рукъ этихъ людей... Надо все взять въ свои руки...»

Чеховъ говорилъ съ силой, вознекіемъ и съ какими-то особыми нотами въ голосѣ... Онъ продолжалъ быстро ходить отъ письменнаго стола къ противоположному углу кабинета, не переставалъ волноваться и сжимать руки.

На слѣдующій день Н. А. Синаицъ сообщилъ мнѣ, что утромъ Чеховъ ѣздилъ къ Елизавову, а вчера поручилъ спросить меня, не поѣду ли я съ нимъ въ Пріютъ Хрониковъ въ 9 часовъ утра. Выхать мнѣ не пришлось. — Было уже 11 часовъ. По телефону я спросила А. П. о Елизавовѣ. «Плохо. Я напугана и ѣздилъ. Ему очень трудно говорить». «Онъ очень жалокъ?» спрашиваю А. П. «Нѣтъ, къ этому привыкъ».

— Былъ холодно, зачѣмъ вы поѣхали?..

«Надо было, это ничего»..

Антонъ Павловичъ своего здоровья не зналъ, не беретъ никогда не носилъ шарфа и большей частью ходилъ безъ головного

Уюда онъ направлялъ больныхъ ко мнѣ, приглашая меня помочь ихъ устройству. Вотъ его письмо по этому поводу:

«Многоуважаемая Софья Павловна, подателя сего Сергія Петровича Д—а, я направилъ къ Вамъ, будьте добры, посоветуйте, какъ ему устроиться въ Илтѣ на зиму. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи сорокъ рублей въ мѣсяцъ, стало быть квартира ему нужна не роскошная, атакъ рублей на 20. Желаю Вамъ всего хорошаго. А. Чеховъ».

Участь больныхъ болѣзненно трогала сердце Антона Павловича. Его всесудной мечтой было, создать для нихъ санаторію, которая отвѣчала бы всѣмъ требованіямъ современной науки, въ послѣднемъ словѣ. Ему хотѣлось устроить санаторію по образцу заграницныхъ, дать больнымъ идеальный уходъ и къ нему бодрящее слово, теплое, ласковое, сердечное отношеніе, что хотя отчасти скрашивало бы ихъ одиночество.

Къ осуществленію этого Антону Павловичу осуществить не было суждено. Но странной воля судьбы, ему, глубоко любившему Россію, пришлось окончить свою жизнь за рубежомъ родины, вдали отъ любимыхъ людей... Привелось перевести долгій трудный переѣздъ изъ любимой Москвы, на что у него такъ мало было силъ... Ему пришлось пережить весь «кредитный цуль» ятискаго приваіе больного, весь трагизмъ этого ужаса, а затѣмъ слабое сердце и — Баденвейлеръ... потомъ смерть.

О смерти Антона Павловича говорилъ такъ: «Я смерти боюсь лишь потому, что не могу себя представить, что будетъ съ родными въ первую пѣдѣлю... Какая кутерьма... А что будетъ со мной, я знаю».

Комментарий

Альтшуллер Исаак Наумович (1870–1943) – ялтинский врач, лечивший Толстого и Чехова. Чехов жил у Альтшуллера в октябре 1898 года, до переезда на дачу Иловайской.

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – писатель и врач, народоволец. В конце 1890-х поселился в Ялте, встречался с Толстым, лечил Чехова.

Бородулин Василий Андреевич (?–1904) – ялтинский врач, занимался лечением туберкулеза, вел прием в водолечебнице А. Гурьян. Вместе с Чеховым участвовал в сборе пожертвований в пользу голодающих детей Самарской губернии.

Синани Исаак Абрамович (1855–1912) – владелец книжно-табачного магазина «Русская избушка», находившегося в здании гостиницы «Франция» на ялтинской набережной (дом не сохранился).

Орлов Федор Павлович (1844–1909) – первый известный ялтинский фотограф, гласный городской думы, казначей Благотворительного общества.

Епифанов Сергей Алексеевич (?–1899) – поэт, писатель-юморист, сотрудник журнала «Развлечение»; Чехов с 1898 г. выплачивал Епифанову пособие, а в 1899 г. на средства Чехова Епифанов был отправлен в Ялту для лечения, помещен в приют для хроников Ялтинского благотворительного общества, где вскоре умер.. О его смерти Чехов писал Горькому (письмо от 25 ноября 1899 года).